

Патроева Наталья Викторовна

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
nvpatr@list.ru

К вопросу о поэтике стихотворных произведений Антиоха Кантемира

Для цитирования: Патроева Н. В. К вопросу о поэтике стихотворных произведений Антиоха Кантемира. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (4): 669–691. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.402>

Статья предлагает обобщающие данные, касающиеся спектра и степени активности риторических приемов, примененных А. Д. Кантемиром в малых и средних поэтических жанрах. Поэтическая практика Кантемира сопоставляется с рекомендациями из трактатов Феофана Прокоповича *De arte poetica* и *De arte rhetorica libri X*, касающимися использования различных риторических приемов в тех или иных литературных жанрах и стилях. Гипотезой работы является предположение о синтетическом характере поэтического слога Антиоха Кантемира, близкого не столько классицистическим требованиям ясности и точности слога, сколько традициям старорусского книжного стиля *плетения словес*, ярко демонстрирующего сложность синтаксического строения и амплификацию, и барокко с его стремлением к эклектичному, причудливо украшенному, насыщенному контрастными особенностями способу выражения идей, а также об ориентации Кантемира в его творческих поисках на риторическую теорию и практику Феофана Прокоповича. Впервые предпринимаемый комплексный анализ тропов и фигур, использованных А. Д. Кантемиром в его поэзии, свидетельствует не только об их качественном и количественном разнообразии, но и о знакомстве создателя русской сатиры с риторическими рекомендациями Феофана Прокоповича. Новизна исследования заключается также в том, что в научный обиход впервые вводятся лексикографические данные о системе кантемировских тропов и фигур, анализируемых в грамматическом, стилистическом и лингвопоэтическом аспектах. Инверсия, эллипсис, амплификация, лексический повтор, риторический вопрос — наиболее распространенные типы риторических приемов в поэзии Кантемира. Вторую позицию по степени активности занимают период, асиндетон, полисиндетон, риторическое обращение и восклицание, метафора. Гораздо более редки и жанрово обусловлены в произведениях Кантемира сравнение, метонимия, олицетворение и перифраза. К маргинальным разновидностям тропов и фигур Кантемира относятся гиперболы, градация, хиазм, умолчание, каламбур. В области применения риторических приемов Кантемир выступает как новатор, определивший дальнейшие пути становления русской лирики.

Ключевые слова: риторический прием, риторическая традиция в России, тропы и фигуры речи, поэтика, стиль жанра.

Во проповедниках вижу собратий моих
по единому их риторству, а не по священству.

*Из статьи А. П. Сумарокова «О российском
духовном красноречии» [Сумароков 1781: 295]*

Дивный первосвященник, которому сила
Высшей мудрости свои тайны все открыла
И все твари, что мир сей от век наполняют,
Показала, изъяснив, отчего бывают,
Феофан, которому все то далось знати,
Здрава человека ум, что может поняти!

*Из третьей сатиры А. Д. Кантемира
[Кантемир 1956: 89]*

Введение

История становления русской риторической традиции еще не изучена детально и комплексно¹ на материале эпохи русского барокко и классицизма, в том числе в аспекте сопоставления теоретических рекомендаций, представленных в руководствах по искусству красноречия, и реальной поэтической практики.

Одним из основателей русской школы стихотворства и реформаторов литературного языка по праву считают Антиоха Дмитриевича Кантемира. Собственные его стилистические и риторические устремления, к сожалению, не реконструированы в полном объеме: поэт не оставил нам трактатов, подобных ломоносовским «Риторике» и «Грамматике», часть его творческого наследия утрачена. Источниками, которые позволяют прояснить хотя бы в какой-то степени позицию Кантемира в языковых спорах первой половины XVIII в., могут служить предисловия к его переводам с латыни и древнегреческого, французского и итальянского, примечания к сатирам, а также вступительные замечания к русско-французскому словарю² и «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских», посвященное не только версификационным правилам. В связи с этим изучение поэтического творчества А. Кантемира представляется важнейшим и необходимым звеном для обоснования его реформаторской роли в истории русской словесности³.

Целью предлагаемой вниманию уважаемых читателей статьи является анализ типологических особенностей «риторического портрета» Кантемира, предпри-

¹ До сих пор не существует единого и всеми принятого списка тропов и фигур речи (один из примеров перечня представлен в материалах словаря; см., напр.: [HWR]). Терминология, на которую опирались ранние российские создатели оригинальных и переводных трактатов по искусству красноречия и поэтике, имеет опору в античных, западноевропейских средневековых риториках предшествующего периода — см. об истоках российской риторической традиции подробнее, напр.: [Аннушкин 2003; Маркасова 2002; Маслюк 1983; Пекарская 2017; Ушакова 2010].

² Словарь Кантемира опубликован, см.: [Русско-французский словарь]. См. также: [Градова 1994].

³ Ср. с замечанием А. А. Алексева: «Реформаторская деятельность Ломоносова рассматривается и оценивается на материале его теоретических сочинений и заметок, и упускается из виду, что языковые преобразования осуществляются прежде всего путем художественной практики. <...> То, что мы называем “реформа Ломоносова”, заключено не в его “Предисловии о пользе книг церковных” 1758 года, но в его художественном творчестве, явлении исключительном и эпохальном» [Алексеев 2013: 187].

нятый в том числе и в аспекте связи кантемировской поэтики с рекомендациями «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X» Феофана Прокоповича. Подобное сопоставление стихотворной практики и риторической теории представляется вполне отвечающим задаче изучения истории российского красноречия и эволюции поэтического языка, так как риторические трактаты «имеют статус неоспоримого культурного и языкового авторитета, статус образцов, посему закрепление в них каких-либо фактов свидетельствует о признании этих фактов языковым сознанием тоже в качестве образцовых» [Бухаркин 2017б: 549].

Материалом статьи служат данные, касающиеся риторических приемов Кантемира, извлеченные из первого тома «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века»⁴ [ССРП].

Риторика Феофана Прокоповича и истоки кантемировской поэтики

Истоки «трудной» поэтики Кантемира [Николаев 1995: 3–14] нужно, очевидно, искать в филологических студиях Кантемира: домашнее образование⁵ в Москве, близкие связи с наставниками из Славяно-греко-латинской академии и Духовной коллегии, затем учеба в Петербургской академии наук [Радовский 1959: 17], чтение филологических трудов Петровской эпохи и послепетровского периода (лингвистических сочинений Й. Э. Глюка, И. В. Пауса⁶, В. А. Адодурова⁷, грамматического академического компендиума⁸, некоторых трудов раннего Третьяковского и мн. др.⁹) — все это не могло не оказать влияния на формирование поэтического стиля Кантемира. Относящиеся ко второй половине 1720-х гг. переводы псалмов Давида

⁴ В [ССРП] в рубрике «Риторические приемы» фиксируются следующие (приводим в алфавитном порядке): аллегория, алогизм, амплификация, анаколуп, анафора, антитеза, антономазия, асиндетон, гипаллага, гипербола, зевгма, инверсия, ирония, каламбур, литота, метафора, метонимия, оксюморон, олицетворение, период, перифраз, повтор (корневой, аффиксальный, лексический), полисиндетон, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, симплока, синекдоха, синтаксический параллелизм, сравнение, умолчание, эллипсис, эпифора. Эпитет в рубрике «Риторические приемы» не указывается не только в силу широчайшей его распространенности в художественном тексте в сравнении с другими тропами, но и по причине давней конкуренции т. н. узкого (только «украшающий», употребленный метафорически или метонимически атрибут) и широкого (предполагающего признание функции эпитета и за прямо-номинативными логическими определениями) толкований границ эпитета, — конкуренции, создающей препятствия для четкой фиксации данного тропа. О сводном поэтическом словаре «нелексического типа» см. подробнее: [Патроева 2017; 2018].

⁵ Домашним учителем А. Кантемира был упомянутый Н. И. Новиковым в «Опыте словаря о российских писателях» стихотворец Иван Ильинский, получивший образование в Славяно-греко-латинской академии Москвы, хороший знаток древнерусской письменности. Другим наставником юного Антиоха стал священник Анастасий Кондоиди, обучавший детей Дмитрия Кантемира древнегреческому, латинскому, итальянскому языкам. Произведения Кантемира свидетельствуют о рецепции церковно-славянских и старорусских памятников. О широкой лингвистической эрудиции десятилетнего Антиоха говорит, например, его выступление в московской Славяно-греко-латинской академии с похвальным словом о Дмитрие Фессалонийском на древнегреческом языке.

⁶ См.: [Johann 1994; Михальчи 1969; Живов, Кайперт 1996: 3–30; Hüterer 2001: 408].

⁷ Грамматика Василия Адодурова в качестве приложения к словарю Вейсмана (1731) обнаружена в домашней библиотеке А. Кантемира — см. список книг кантемировской библиотеки в работе [Александренко 1896].

⁸ См.: [Compendium 2002; Успенский 1975; Адодуров 2014].

⁹ О филологических студиях послепетровского периода см. подробнее: [Успенский 1985; 1994; 1997; Живов 1996; 2004; Бабаева, Запольская 1993; Бабаева 2013].

и латинской «Синопис исторической», четырех сатир Н. Буало сменяются новым этапом — сочинением оригинальных опытов в стихах, во многом подготовленным знакомством с бывшим ритором Киево-Могилянской академии и яростным защитником петровских преобразований Феофаном Прокоповичем¹⁰, написанные на старославянском (книжно-славянском) проповеди-«слова» и стихотворные произведения которого, вероятно, оставили в сознании молодого автора неизгладимый след: не случайно сатиры Кантемира столь близки по духу речам Феофана и также направлены против «воинствующих» [Прийма 1956: 11] в своем невежестве врагов Петровских реформ. Известно, что в 1729 г., прочитав первую сатиру Кантемира, распространенную первоначально в списках и, «по обычаю всех почти сатириков», анонимную, Феофан Прокопович отозвался на нее приветственным стихотворением¹¹ «К сочинителю сатир»:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоин ты славы...
Благо, что дал Бог ум тебе здравый...
Объемлет тебя Аполлин великий...
А я и ныне сущий твой любитель... [Кантемир 1956: 442–443].

В ответ на это одобрение, уже после состоявшегося в 1730 г. личного знакомства с Феофаном, Антиох Кантемир предпосылает третьей своей сатире «Благодарительные стихи»:

Устами ты обязал меня и рукою,
Дал хвалу мне свыше мер, заступил немало —
Сатирику то забыть никак не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулит трубою.
Нет! но силы воздавать дары равномерны
В знак благодарения — увь! — запрещают.
Приими убо сия, и хоть не блистают
Дары изящством, однак знаки воли верны [Кантемир 1956: 260].

Указанные литературно-биографические обстоятельства и духовная близость великого российского церковного и политического деятеля Феофана и столь же яростного защитника Петровских реформ, создателя жанра сатиры в российской словесности Кантемира дают нам вполне, как представляется, прочные основания для сопоставления системы тропов и фигур речи, предлагавшихся в сочинениях «О поэтическом искусстве» и «Об искусстве риторическом»¹², с одной стороны, и использованных стихотворцем-реформатором риторических приемов — с дру-

¹⁰ См. подробнее: [Автухович 1999].

¹¹ В автокомментариях к окончательной редакции первой сатиры (1743) Кантемир вспоминал: «Сия сатира первый опыт стихотворца... Писал он ее... не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей... сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который везде ее с похвалами стихотворцу рассылал и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи... Тому архипастырю следуя... ободрен, стал далее прилежать к сочинению сатир» [Кантемир 1956: 62].

¹² обстоятельная характеристика трактатов Прокоповича представлена, напр., в работах: [Сokolov 1965; Вомперский 1970: 70–98].

гой. Важно иметь в виду при этом, что написанные на латыни «Поэтика» и «Риторика» Феофана, прочитанные как курсы лекций 1705–1707 гг. в Киево-Могилянской академии и не имевшие долгое время печатного воплощения, как и перевода с латинского на русский, были известны только в списках и использовались в процессе преподавания церковного красноречия в духовных училищах России. Между тем Кантемир вполне мог познакомиться с сочинениями Феофана¹³ хотя бы в изложении своего учителя, знатока латинской и древнерусской словесности, переводчика при Императорской Академии наук, поэта, получившего образование в московской Славяно-греко-латинской академии¹⁴, Ивана Ильинского¹⁵. Прибавим, что Прокоповича и Кантемира объединяет известная и признаваемая в качестве авторитетной традиция юго-западной риторики и силлабики, из которой оба писателя черпали образцы художественного выражения, как и из лучших творений древнегреческих и римских поэтов.

В своей «Риторике» Феофан Прокопович к средствам, украшающим речь, и прежде всего произведения высокого и тяготеющего к нему среднего, или «цветистого», стиля, относит **фигуры словесные** (метафору, метонимию, синекдоху, антономасию¹⁶, повтор, многосоюзие и пр.), в том числе и тропы, и **фигуры смысловые** (аллегория, перифраза, олицетворение, гиперболу, эпифонему, апострофу¹⁷ и некоторые др.).

Феофан возражает против излишних «словесных прикрас» и «неумеренной вычурности» фраз: «Стиль большей частью должен быть средним между возвышенным и низким; слова должны быть ясными и метафоры естественными, мысли же не должны быть раздуты многословием, но выражены в немногих словах, перифраза — проще и напоказ» [Прокопович 1961: 424].

Прокопович не упоминает сатиру, перечисляя жанры, воплощающие «возвышенный» или «средний» слог¹⁸, однако в творчестве Кантемира — изобретателя

¹³ Ср. с мнением С. А. Кибальника: «На эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в. Так, например, Ломоносов, по-видимому, был знаком с «Поэтикой» Прокоповича, а будучи студентом московской Славяно-греко-латинской академии, слушал и записал курс лекций по риторике его ученика Порфирия Крайского» [Кибальник 1983: 205–206].

¹⁴ О том, что красноречие в московской Славяно-греко-латинской академии преподавалось с опорой на сочинение Феофана, свидетельствует, например, хранящаяся в отделе рукописей РГБ рукопись «Praecepta rhetorica a Theophane Procopovicz...» 1750 г. из собрания библиотеки Московской православной духовной академии (Ф. 173. II, № 86, 139 л.).

¹⁵ См.: [Новиков 1772: 70].

¹⁶ Антономасия — разновидность метонимии, употребление собственного имени в значении нарицательного [Квятковский 1966: 44].

¹⁷ Под эпифонемой понимается риторическое восклицание, под апострофой — риторическое обращение «к лицу отсутствующему, как к присутствующему; или к умершему, как живому; или к неодушевленному предмету, как к одушевленному» [Квятковский 1966: 45–46].

¹⁸ Ср. со стилистическими рекомендациями, даваемыми в риторике Феофана иным жанрам: «Стиль элегий должен быть средний или цветистый, слова — отобранные, но не слишком напыщенны, изречения немногословны, уподобления — кратки, примеры — подобраны в небольшом числе: либо подобные, либо противоположные, фигуры должны встречаться чаще, главным образом такие, что служат для изображения переживаний» [Прокопович 1961: 439]. Стиль таких лирических жанров, как ода, гимн, дифирамб — разновидностей «песен», «должен быть сладостным; в них необходимо применять все фигуры, которые способствуют услаждению» [Прокопович 1961: 442], украшать «цветами слов и мыслей»; эклоги (буколика) также тяготеют к «цветистому» стилю.

новой русской поэзии — именно жанр сатиры занимает центральное место. Как характеризуется сатира в Феофановой «Поэтике»? Здесь описание сатиры не носит четко очерченного, строго определенного и подробного характера (сам Прокопович использовал некоторые элементы комического в своих произведениях, но в подобном жанре оригинальных произведений не создал):

...сатира должна быть язвительной и остроумной, бичуя человеческие пороки... Сатира не имеет никаких определенных частей, поэт по своему усмотрению может разрабатывать в ней свой замысел. ...следует до некоторой степени умерять едкость сатиры какой-то поэтической сладостью; для этого содержание ее должно быть разнообразным: много острых мыслей, привлекательные вставные маленькие рассказы и все прочее, что служит для развлечения, да и слог не должен быть возвышенным, а похожим на обыденную речь и легко понятным [Прокопович 1961: 438–439].

Итак, Кантемиру суждено было стать новатором в области русской сатиры, изобретая новые поэтические формы. Если Прокопович с ориентацией на античные образцы указывает, что сатиры нужно писать гекзаметром, Кантемир выбирает для своих сатир силлабический 13-сложник¹⁹, впоследствии им тонизированный (см.: [Прийма 1956: 27]) (сам Прокопович, впрочем, свои стихи писал также силлабикой, применяя строки разной длины, подавая в том пример Кантемиру уже как практик, а не теоретик русского стиха; первые же смелые попытки на деле осуществить подражание греческому гекзаметру принадлежали М. Смотрицкому в его «Грамматике...» и В. К. Тредиаковскому).

Тропы и фигуры в поэтической речи Кантемира

В риторике Прокоповича фигуры речи, в том числе тропы [Прокопович 2020: 235], разделяются на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых в кантемировском поэтическом дискурсе важное место принадлежит «характеризму» [Прокопович 2020: 237], «гипотипозе», участвующим в создании портрета персонажа, и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020: 245]; 2) способствующие «услаждению» речи [Прокопович 2020: 251–259]: «метатеза» (хиазм), антитеза, «антитетон», «антономасия», «диафора» (вид повтора), «гомэоза» (сравнение), «диализа» (асиндетон, бессоюзие), «гипербат» (инверсия, необычный порядок словорасположения), метафора, метонимия, аллегория, «оксиморон», паронимасия, перифраза, аллегория, синекдоха и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний» [Прокопович 2020: 259–267]: «просопея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), «климакс» (усиление, восходящая гра-

«Главных достоинств эпиграммы три: краткость, приятность и остроумие...» [Прокопович 1961: 444]; «эпиграмма имеет две части: экспозицию и клаузулу» [Прокопович 1961: 444], то есть начинается с изложения какого-либо факта, обвинения или осуждения, а завершается остроумным выводом. У эпитафии как разновидности эпиграммы те же особенности: «В первой части, или экспозиции, обычно дается краткое перечисление более примечательных деяний покойного... Во второй же части или в заключении... помещают... какое-нибудь выразительное изречение, указывающее на краткость жизни человеческой, на ее суету и бренность» [Прокопович 1961: 452]. О басне см.: [Прокопович 1961: 378–381].

¹⁹ Заметим, однако, что строку Кантемира «Уме слабый, плод трудов не долгой науки!» В. К. Тредиаковский приводил в качестве примера «нашего эксаметра» (см.: [Тредиаковский 1963: 418]).

дация), гипербола, «полисиндетон» (многосоюбие), сарказм и пр.²⁰ Каждая из трех групп обнаруживает тяготение к «сниженному», «среднему» и «возвышенному» стилям с тем уточнением, что фигуры первой группы встречаются в «цветистом» и «возвышенном» стилях, когда требуется «описывать что-либо» [Прокопович 2020: 268], приемы второй группы не следует исключать из области «низменного» или высокого стилей, а фигуры третьей группы — из «сниженного». Таким образом, применение риторических приемов, образных средств регламентируется, согласно рекомендациям Ф. Прокоповича, прежде всего целями, композицией и содержанием речи.

В произведениях Кантемира, в том числе сатирах, мы находим практически все эти разновидности «тропов речений» и «тропов предложений», «фигур речений» и «фигур предложений» (в более поздних терминах ломоносовского «Краткого руководства к красноречию»), за исключением, пожалуй, только оксюморона²¹. Такое разнообразие приемов «украшения» речи (см. табл.) свидетельствует о соединении в сатирическом тексте примет разных стиливых сфер, о речевом синкретизме кантемировской сатиры, при той ведущей роли, которая принадлежит инверсии, эллипсису, лексическому повтору, периоду и риторическому вопросу как доминантам поэтического слога²².

Поэтический дискурс Кантемира часто столь насыщен риторическими приемами, что на небольшом пространстве текста совмещаются несколько типов тропов и фигур речи, например:

- эллипсис, анафора, лексический повтор, асиндетон и полисиндетон:

Варлам смирен, молчалив; как в палату войдет —
Всем низко поклонится, к всякому подойдет;
В угол свернувшись потом, глаза в землю втупит;
Чуть слышать, что говорит; чуть — как ходит, ступит [Кантемир 1956: 94];

- гипербола, метафора, метонимия, инверсия:

... десница врачей щедро дала
Покров, под коим бежаща богина
Нашла отраду и уж воссияла
Европе целой луч нового света;
Врачей не умрет имя в вечны лета [Кантемир 1956: 202];

²⁰ Ср. с [Риторика Ломоносова], где описываются «тропы речений» (метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепсис), «тропы предложений» (аллегория, парафразис, эмфазис, гипербола, ирония), «фигуры речений» (повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюбие, бессоюбие, согласование) и «фигуры предложений» (определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, заятие, напряжение, пременение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение).

²¹ Впрочем, оксюморон, как и антитеза, каламбур, редок и у М. В. Ломоносова (см.: [Патроева 2020]).

²² Ср. с теми же тенденциями, выявленными в ломоносовских произведениях, преимущественно одического жанра: отличия между Кантемиром и Ломоносовым отмечаются прежде всего в сфере «тропов речений»: у Ломоносова метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха гораздо более активны, что подчеркивает ведущую роль поэтического синтаксиса в создании жанрового стиля и индивидуального слога Кантемира (см.: [Патроева 2020: 78]).

Таблица. Тропы и фигуры речи в стихотворениях А. Кантемира²³

Троп или фигура речи	Количество репрезентаций согласно данным [ССРП]	Страницы с репрезентациями риторических приемов по [ССРП]
Эллипсис	217	76, 77, 79, 80, 82, 83, 85, 87–91, 102–104, 106–113, 118, 119, 121, 122, 124, 126, 127, 130, 133, 139, 141, 143, 144, 146–150, 155, 156, 160, 162–164, 166, 180, 182, 187, 189, 195, 201, 210–213, 215–219, 222, 231–235, 237, 240, 246, 246, 248, 251, 253, 254, 257, 258, 260, 261, 269, 270, 276–283, 288–290, 295, 297, 299–301, 303–306, 308, 309, 311, 315, 316, 318–332, 334, 336, 338–340, 342, 344, 347–354, 357, 362, 363, 366, 367, 370, 372–378, 380–384
Лексический повтор	158	77, 78, 95, 101, 103, 106, 108, 110, 118, 127, 140, 143, 144, 147, 149, 158, 161–164, 167, 168–170, 172, 177, 178, 181, 183, 185–188, 194, 198, 201–204, 207, 209–211, 212, 214, 216, 217, 221, 222, 227–231, 233, 235–239, 243, 247, 248, 251, 260, 261, 263, 266, 268, 269, 272, 274, 275, 281, 288–294, 296, 298, 301–305, 308, 310, 311, 313, 315, 316, 320–325, 327, 330–332, 338–341, 343, 344, 347–349, 354, 356, 357, 360, 362, 363, 365, 367–370, 373–376, 378, 383, 384
Риторический вопрос	99	76–83, 88, 89, 91, 94, 95, 97–99, 102, 107, 109, 114, 115, 120–122, 124, 129, 133, 136, 142, 144, 145, 155, 158, 163, 168, 180, 183, 192, 219, 221, 231, 233, 234, 244, 272, 283, 284, 302–304, 314, 316, 326, 331, 338, 344, 350, 354, 361, 366, 371, 385
Метафора	77	77–79, 83, 94, 101, 113–115, 129, 133, 146, 182, 220, 232, 236, 248, 250, 258, 260, 268, 282, 309, 314, 321, 322, 326, 332, 333, 335, 358, 359, 379, 385
Метонимия	39	132, 236–238, 241, 249, 254, 321, 333, 336, 379
Сравнение	35	90, 137, 145, 148, 152, 155, 162, 163, 184, 198, 200, 215, 220, 243, 253, 287, 290, 309, 325, 358, 378
Риторическое обращение	34	91, 92, 97–99, 128, 144, 145, 151, 175, 182, 203, 204, 270, 305, 323, 339, 349, 354, 365, 383, 385, 386
Риторическое восклицание	30	77, 80–83, 88, 89, 92, 94, 95, 98, 99, 111, 124, 128, 179, 182, 198, 215, 233, 314, 325, 334, 350, 356, 376
Олицетворение	25	106–108, 128, 134, 137, 141, 209, 229, 232, 249, 250, 252, 253, 307, 334, 343, 345, 364, 378
Перифраза	14	126, 127, 138, 179, 183, 248, 256, 293, 318, 322, 363, 377, 378
Антитеза	6	136, 142, 230, 250, 373, 381
Гипербола	5	81, 124, 321, 351, 351
Каламбур	2	85, 382
Градация	1	222
Хиазм	1	376

²³ Страницы с репрезентациями указываются в третьей графе таблицы по изданию [ССРП] — иногда на одной странице приведены несколько примеров тропов и фигур в графе «Риторические приемы»; представленные в словаре на данных страницах иллюстрации, в свою очередь, даются по изданию [Кантемир 1956]. Данные о риторических приемах, извлеченные из [ССРП], проверялись автором при анализе стихотворений Кантемира в ходе работы над статьей.

- олицетворение, метонимия, риторическое обращение, инверсия:

Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не сучай, в незнатности сидя [Кантемир 1956: 61];

- амплификация, сравнение, градация, инверсия:

Невредимо пребывает
Все, что мужественно, честно,
Благо, истинно, нелестно;
Яко же вдавшася в море
Камениста гора валы,
Возвышающися горе
С стремлением и немалый
Ужас с собою влекущи,
Сильны ветры, все гнев сущи,
Ни во что, тверда, вменяет [Кантемир 1956: 213];

- метафора, метонимия, корневой и лексический повтор, риторическое обращение, риторическое восклицание:

Того вы мужа, что приятна зрите
Лицом, что в сладких словах, клянясь небом,
Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите! —
Яд под мягким хлебом [Кантемир 1956: 198].

Фигуры как средства усиления пафосности и экспрессивности речи

Фигуры, содействующие прежде всего усилению «пафоса» и «изображению страстей», согласно Феофановой поэтике, — это «повторение, удвоение, противопоставление, вопрос, апострофа, олицетворение, умолчание, заклинание, сомнение, замедление, парентеза и чаще всего — восклицание» [Прокопович 1961: 424]. Не все риторические приемы из этого перечня одинаково часто применяются Кантемиром: например, лексический повтор (в том числе анафора, морфемный повтор), наряду с риторическим вопросом или восклицанием, эффективно используется в качестве экспрессивно-усилительного средства во всех жанровых разновид-

В таблице не указаны данные по инверсиям и эпитетам, поскольку эти риторические средства представлены практически во всех характеризуемых в [ССРП] 828 предложениях, извлеченных из поэзии Кантемира. В силу того что трактовка феномена «период» отличается в разных риторических и стилистических трудах (узкое понимание, например, предполагает выделение в качестве периодических только таких конструкций, которые содержат протазис и аподозис; широкое толкование позволяет отнести к примерам периодической речи все предложения, содержащие однородные ряды, сложные предложения разных типов, иные типы текстовых структур), точные количественные данные о периоде (примеры из [ССРП: 207, 222, 227, 284, 289, 297, 309, 333, 351, 353, 360, 362, 367, 369, 371, 372, 378 и др.]) также не приводятся; столь же трудно определить строго границы фиксируемых в словаре эффектов амплификации (примеры из [ССРП: 226, 258, 271, 341, 343, 345, 346, 377 и др.]), асиндетона [ССРП: 88, 137, 145, 158, 162, 173, 184, 192, 193, 196–198, 200–205 и др.] и полисиндетона [ССРП: 77, 94, 154, 156, 165, 185, 188, 214, 217, 220, 222, 224, 225, 232, 247, 342, 346 и др.]), поэтому далее в статье приводятся лишь вполне очевидные случаи. Не включены в таблицу и данные о степени распространенности иронии (как невербально выраженного риторического приема). Фиксация метафор и метонимий касается не узуальных, стершихся, а контекстуальных, осязаемых, ярких феноменов — такова установка создателей [ССРП].

ностях кантемировской поэзии. Различные виды повторов содействуют не только обогащению звукописи, ритмизации и украшению речи, но и производят такие эффекты, как «замедление» (ретардация), «нагромождение», «приращение» художественной информации о событии или персонаже.

А коим бог чистый дух дал и дал ум здоровой,
Беззлобны — беззлобные наши стихи взлюбят
И охотно станут честь, надеясь, что сгубят,
Может быть, иль уменьшат злые людей нравы [Кантемир 1956: 114];

Трудней то, **неж** пьянице вина **не** имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить **не** в три пуда хмелю [Кантемир 1956: 60].

В связи с приемом повтора укажем также на полиптотон (многопадежие, дублирование лексемы в разных грамматических формах) (см. также: [Довгий 2017: 19]): «...волос с волосом прибираешь к чину...» [Кантемир 1956: 119]; «Спишь в **золоте, золото на золоте** всходит Тебе на стол, и холоп твой в **золоте** ходит...» [Кантемир 1956: 159]; «**Кучу к куче** накапливать, дом построить пышной» [Кантемир 1956: 159]; «**Свинью свиньей, а льва львом** просто называю» [Кантемир 1956: 391].

Корневой повтор создает дополнительно эффект «парономасии», «созвучия слов» [Прокопович 2020: 258]:

Иной не хочет писать указ об отказе,
Что о взятках говоришь, обычных в **приказе** [Кантемир 1956: 109].

Инверсия как самый распространенный прием и присущий поэзии способ версификации иногда отступает в силлабическом стихе Кантемира перед стремлением к естественности выражения, например при передаче прямой речи персонажа:

Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы **преж сего**, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли... [Кантемир 1956: 58].

Пристрастие Кантемира к лексическому и грамматическому повтору, параллелизму, инверсии как приметам поэтического слога в сравнении с прозаическим восходит к античным образцам: так, в работе Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде» [Гуковский 1927: 147–148] были указаны некоторые из наиболее существенных особенностей стилистики и синтаксиса древнегреческой анакреонтики, например высокая частотность использования анафоры и параллелизма, словесных повторов, рефрена — тем более что в начале 1740-х гг. Кантемир переводил анакреонтику.

Из фигур речи, активно применяемых Кантемиром в целях не только амплификации, но и усиления экспрессии, укажем также на полисиндетон и асиндетон:

Ни возраст, ни чин, ни друг, ни сам ближний кровный
Язык Созимов унять не может злословный [Кантемир 1956: 96];

...Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит... [Кантемир 1956: 59].

Эмоциональный риторический вопрос, в том числе выражающий и акт медитации, и сомнение, — один из излюбленных художественных приемов Кантемира:

Скажи мне (можешь бо ты!): всем всякого рода
Людям, давши тело то ж и в нем дух, природа —
Она ли им разные наделила страсти,
Которые одолеть уже не в их власти,
Иль другой ключ тому ручью искать нужно? [Кантемир 1956: 89];
...и что больше кстати
Нам здесь, смертным, как печаль? [Кантемир 1956: 112].

Вопросы иногда формируют ритмизирующие сатирический дискурс параллельные ряды:

Победил ли сам враги? дал пользу народу?
Устрашил ли действиями Нептуна власть — воду?
Сокровища ль царские тобой умножены?
Презрев покой, подъял ли сам труды военные?
Иль, коли случай, младость в то не допустила,
Впредь в том показать себя есть ли ум и сила? [Кантемир 1956: 70].

Гораздо реже, например, используется восклицание:

О, коль собою бедна моя муза! [Кантемир 1956: 237];
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети! [Кантемир 1956: 60].

Риторическое обращение — «апострофа» [Прокопович 2020: 261], — в отличие от вопроса и восклицания, менее активно в создании диалогического («полифонического» в терминах М. М. Бахтина) начала кантемировского дискурса, но именно редкость апелляций, как и форма звательного падежа, сосредоточивает читательское внимание на подобных элементах текста:

Музо! не пора ли слог отменить твой грубый
И сатир уж не писать? [Кантемир 1956: 109].

Уме незозреый, плод недолгой науки! [Кантемир 1956: 57];

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами! [Кантемир 1956: 216].

Броская цветистость и хлесткость эпитетов, стремление к облеченным в образы контрастам, антиномиям, «повышенная» эмоциональность риторических вопросов, обращений и восклицаний, повторы, создающие иногда не столько «ясность», сколько «темноту», неблагозвучность изрекаемого поэтом, нарочитая «затрудненность» фразы в результате необычной расстановки слов — приметы кантемировской поэтики, гораздо более характерные для стиля барокко, чем классицистической строгости и великолепия формы, рациональности и (согласно ломоносовскому уже требованию) «чистоты штиля». В произведениях литературы и искусства барокко, как и у Кантемира, причудливо, «странновато» соединялись «высокое» и «низкое», христианские и античные мифологические образы, иногда проявлялся и почерпнутый, вероятно, у итальянцев концептизм, основанный на противоречиях, сложных метафорах и оксюморонах, игре слов и созвучий.

Редкие риторические приемы

Целый ряд рекомендованных к использованию Феофаном в качестве средств усиления экспрессии тропов и фигур оказываются малораспространенными и даже маргинальными в стихотворном дискурсе Кантемира, но эта редкость того или иного приема представляется не менее важной особенностью индивидуально-авторского слога, чем приемы доминантные. На степень распространенности тропов и фигур не могли не оказывать влияние содержательные и жанровые особенности кантемировских произведений. К тому же русская поэтическая речь находилась еще на самой ранней ступени становления, и только новаторские и реформаторские устремления автора могли обеспечить победу в «борьбе» с языком, с узусом и нормой, в стремлении сделать языковую систему гораздо более гибкой, способной отвечать актуальным задачам художественно-литературного строительства.

Прозопея редка и жанрово обусловлена, будучи более характерна для оды и послания, чем для сатиры:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы... [Кантемир 1956: 61];

Кому свое с ним счастье благое
Не дало знаться, хоть хул убегает [Кантемир 1956: 199];

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами! [Кантемир 1956: 216].

К использованию в жанрах духовной и нравоучительной оды, элегии, послания тяготеют также следующие тропы:

- перифраза:

Тяжек мне был тот заказ из уст властелина
Девяти сестр и тяжка заказу причина,
Котора невежество мое обличала... [Кантемир 1956: 274] — об Аполлоне;

- метонимия²⁴:

Забыта крови твоей и слава и древность... [Кантемир 1956: 68]);

- в меньшей степени — метафора, в том числе метафорический эпитет²⁵:

...лучи снесть глаз ея не сильны
Злонравные, коих вся надежда в обмане,
Как из рук ея перун — скифы, агаряне [Кантемир 1956: 176];

Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки [Кантемир 1956: 73];

- гипербола:

Презренна варвар от севера сила
Западный прежде, потом же востока
Престол низвергла в мгновение ока [Кантемир 1956: 201].

Противопоставление (антитеза, «антитетон» [Прокопович 2020: 252]: «Тут-то уж без меду, // Без верви кроить обык, без аршина враки; Правды где-где крошечны увидишь ты знаки» [Кантемир 1956: 93]; «Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь» [Кантемир 1956: 233]), градация («Дух твой ленив, и в зубах вязнет твое слово, // Не забавно, не красно, не сильно, не ново...» [Кантемир 1956: 112]), хиазм²⁶ («Той, черный облак жарким разделяя // Перуном, громко гремя, устрашает // Землю и воды, и дальнейша края // Темного царства быстр звук достигает; // Низит высоких, низких возвышает; // Тут даст, что тамо восхотел отъяти» [Кантемир 1956: 196]) представлены еще единичными примерами в сатирах и эпиграммах Кантемира, маргинальны.

Тонкая ирония, каламбур, зевгма лишь спорадически встречаются в хлестких, наполненных саркастической усмешкой кантемировских тирадах (каламбур — не только в сатире, но и в эпиграмме), однако время расцвета этих тропов, как и окказиональной метафоры, перифраза, антитезы, риторического обращения, например, еще не настало, еще впереди²⁷ — в творениях романтического периода:

«За что тут муж сидит святой и старый?» —
Воровством без пошрины провозил товары.
Этакой святец! Вот что делает, безгрешный! [Кантемир 1956: 184];

²⁴ Примеры метонимий Кантемира приводит, например, О. Л. Довгий в связи с анализом морфологических особенностей кантемировских сатир [Довгий 2017: 17–18]: «Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане, // Десятью в день заплачет по сером жупане» [Кантемир 1956: 137] — в этом контексте «зеленый кафтан» и «серый жупан» служат символами социального статуса человека.

²⁵ Л. В. Балашова приводит пример «военной» метафоры («огненные вои» — о небесном воинстве, архангелах) из «Петриды» Кантемира:

Есть между *огненными Его* [бога] *вои* сильный,
Главнейший воевода, в блистаньи обильный,
Страх ада и сил его, душ главный хранитель —
Михаил, первый в святых чинов всех правитель [Балашова 2014: 269].

²⁶ Ф. Прокопович называет хиазм «анаклазой», «метатезой», «хиастоном» [Прокопович 2020: 251].

²⁷ Например, в статье «Эволюция топов» Н. А. Кожевникова отмечала: «Поэзия XVIII — начала XIX в. располагает ограниченным количеством перифраз и метафор, связанных с изображением определенного круга тем и реалий (жизнь, смерть, поэзия, любовь, война). <...> В литературе Нового времени, которая не подчиняется канону, связь между предметом речи и его образным соответствием гораздо свободнее, она лишена принудительности» [Кожевникова 2009: 531].

Сам я, весь будучи крив, правду похваляю;
Не прям будучи, прямо все говорить знаю [Кантемир 1956: 238];

...осмелился и престол оставить // И покой... [Кантемир 1956: 159];

Разнится — потомком быть предков благородных, Или благородным быть
[Кантемир 1956: 71].

Распространенное придаточной частью обращение обычно создает «parenтезу», «при которой в непосредственно следующей фразе вставляется какое-либо [предложение], занимающее промежуточное положение» [Прокопович 2020: 265] — еще очень редкий прием, который получит широкое распространение в более поздний период развития русской поэзии:

О царю небес! иже управляешь
Тварь всю, твоими созданну руками,
Почто в нем наши язвы продолжаешь? [Кантемир 1956: 199].

Парантезы чаще создаются вставками, напоминающими спонтанные перебивы речевого потока, создающими эффект непринужденной устной беседы, и в этом проявляется яркое синтаксическое новаторство Кантемира:

Вон дивись, как учений заводят заводы:
Строят безмерным коштом тут палаты славны,
Славят, что учения будут тамо главны;
Тщатся хотя именем умножить к ним чести
(Коли не делом); пишут печатные вести... [Кантемир 1956: 184];

Сколько глав — столько охот и мыслей различных;
Моя есть — стихи писать против неприличных
Действ и слов; кто же мои (и я не без пятен)
Исправит — тот честен мне будет и приятен [Кантемир 1956: 99];

Зная же небесного царя, благочестно
Того чтит, иже душу (как, то неизвестно)
Разумную вложил в тело... [Кантемир 1956: 211].

Умолчание — риторическая маргиналия в кантемировском тексте:

...в незрелом
Разговоре не ввернуть некстати другое,
В целой толпе говорить чуть станут ли двое... [Кантемир 1956: 164];

Суму у убогих,
Бороду у чернеца завидит, и в многих
Случаях... да не пора ль, муза моя, губы
Прижав, кончить нашу речь? [Кантемир 1956: 98].

Низкая активность гипербол и антитез, аллегорий, метафор и олицетворений ярко отличает стиль Кантемира от ломоносовского, уже гораздо более ярко вопло-

щающего классицистическое начало. Однако риторические приемы амплификации и периодизации речи, пристрастие к риторическим вопросам и восклицаниям, несомненно, сближает художественные манеры Кантемира и Ломоносова.

Периодизация и амплификация как риторические приемы в Кантемировой поэзии

Слог кантемировских сатир сложно назвать, согласно Феофановой рекомендации, «похожим на обыденную речь и легко понятным»: крайняя неупорядоченность русского литературного языка послепетровского периода и сковывающие поэта правила силлабической версификации (когда число слогов, расположение обязательной цезуры, использование по преимуществу женских клаузул строго должны были выдерживаться, хотя широкая употребительность силлабики на славянской почве, разработанность и гибкость²⁸ делали ее в целом не столь уж чуждой, как справедливо отмечает М. Л. Гаспаров [Гаспаров 1997], «духу» русского языка) сильно затрудняли даже даровитых авторов, к которым, несомненно, принадлежал Кантемир, при выборе средств поэтического выражения, способов создания тропов и фигур речи, и можно только восхищаться смелыми попытками писателей первой половины XVIII в. преодолеть эти трудности и создать свой индивидуальный слог и даже новый стиль жанра. Читателю очень сложно «распутывать», по образному выражению Ю. К. Щеглова, синтаксические здания Кантемира, «но если учесть, что русский литературный язык являл собой в его время лишь скопление необработанных глыб, то следует скорее удивляться тому, как гибко и чисто умел выражаться Кантемир хотя бы в части, и притом значительной, своих стихотворных произведений...» [Щеглов 2004]. Стих Кантемира трудный, тяжеловесный, шероховатый, асимметричный, подчиняющийся движению обличающей мысли по преимуществу, а не стремлению к красоте, плавности и сладостности звучания.

Стремясь помочь своим читателям, Кантемир очень тщательно относился к грамматическому оформлению своих произведений, о чем свидетельствуют, например, многие замечания создателя русской сатиры, помещенные в автокомментариях. Архитектура кантемировских творений кажется переусложненной, нередко тяжеловесной, однако читатель не найдет здесь ничего из того, что осуждал Прокопович в своей риторике: ни нелепой «пышности», ни «вычурных и незначительных по содержанию фразок», ни «чрезмерной манерности» [Прокопович 2020: 48–53]. Кантемир, вероятно, согласился бы с рекомендацией Феофана: «Для краткости повествования не пытайся выражать его немногими словами. Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов?» [Прокопович 2020: 158]. Более того, «речь может быть размеренной только в силу изобилия слов» [Прокопович 2020: 210], из которых складываются «звенья», «колонны», «периоды» и формируется ритм, «трогающий сердца». Само восхождение мысли обуславливает синтаксическую переусложненность фразы, а на порядок расположения слов влияет к тому же схема силлабического 13-сложника, требовавшего не только женского окончания стиха по преимуществу, но и соблюдения количества семи слогов до и шести слогов после цезуры.

²⁸ Об истории метрических исканий Кантемира на фоне предшественников см.: [Панченко 1973: 223–226, 231].

Мерное течение описания, повествования, рассуждения в сатире разворачивается часто в виде одно-, дву- или многочленного периода (см.: [Прокопович 2020: 216–219]). Примеры ярких проявлений периодической речи в виде сложных предложений, интонационно разделенных на протазис и аподозис, у Кантемира нередки на фоне иных видов периодов:

Если в мои лета
Минувши скрыться не мог я вражья навета,
Если счастье было мне мало постоянно —
Я ль один тому пример? [Кантемир 1956: 113].

Уточним, что большая длина предложения, часто связанная с применением амплификации, не имеет прямого отношения к многословию. Прокопович обращает внимание, что «амплификация не заключается в том, чтобы то, чего можно коснуться вкратце, излагалось многословно; это ведь перифраза» [Прокопович 1961: 416]. К амплификации относятся такие приемы, как «приращение» (например, в виде градации), «сравнение» и «нагромождение» (посредством введения синонимов, «побочных обстоятельств», перечисления) [Прокопович 1961: 416–418]:

Малый свой дом, на своем построенный поле,
Кое дает нужное умеренной воле:
Не скудный, не лишний корм и средню забаву —
Где б с другом с другим я мог, по моему нраву
Выбранным, в лишны часы прогнать скуки бремя,
Где б, от шуму отдален, прочее все время
Провожать меж мертвыми греки и латины,
Исследуя всех вещей действия и причины,
Учась знать образцом других, что полезно,
Что вредно в нравах, что в них гнусно иль любезно, —
Желания все мои крайни составляет [Кантемир 1956: 147].

На слог Кантемира, очевидно, не могло не оказать влияния требование риторик конца XVII — первой трети XVIII в. «наращати слова», или «амплефекovati» [Маркасова 2002: 180–190, 201–202]. Подобное ампликативное использование однородных рядов как «приращение» и «нагромождение», пространное распространение фразы за счет множества второстепенных компонентов — часто используемый Кантемиром прием, позволяющий разносторонне описать происходящее, передать детали портрета или экспозиции, нюансы размышления, градацию признака. Именно ампликативные нагромождения и многочастные периоды, обильно расширяющиеся и удлиняющиеся за счет однородных рядов, придаточных частей, групп распространителей грамматической основы (так что увеличивается та самая степень «разветвленности» подчинительного куста, о которой в связи с синтаксисом ломоносовских и сумароковских произведений писала Г. Н. Акимова (см., напр.: [Акимова 1973; 1976]), тесно связывают кантемировскую музу со стилем «плетения словес» старорусских книжников.

Выводы

Качественный и количественный состав тропов и фигур речи, используемых Антиохом Кантемиром, свидетельствует о том, что поэт следует главному правилу, выдвигаемому Феофаном Прокоповичем:

Остерегайся применять... стили повсюду в чистом виде и произвольно... требует сниженного стиля тот, кто хочет наставлять, тот, кто желает доставлять усладу, — среднего, и, наконец, тот, чья цель — трогать человеческие сердца, нуждается в возвышенном стиле... Кроме того, одностороннее увлечение одним из этих стилей — признак негодного оратора... Итак, самым замечательным оратором будет тот, который отличается во всех этих стилях и удачно применяет их к содержанию речи [Прокопович 2020: 75–76].

Разрабатывая жанр сатиры, Кантемир стремился, очевидно, вслед за Горацием, Персием, Ювеналом, Буало, сделать его в стилистическом, содержательном и формальном отношении синтетическим, способным затрагивать важные вопросы общественной и частной жизни человека, не только шутивно-ироническим, с «острой приправой фигур» [Прокопович 1961: 424], или «наставительным», но и «трогающим человеческие сердца». Сатира как жанр, в котором Кантемир первенствовал, сочетает признаки «сниженного», «цветистого» и «возвышенного» стилей. Языковая и стилистическая эклектичность кантемировских сатир не только на лексическом, но и на грамматическом уровне — свидетельство широкой новаторской и реформаторской деятельности их создателя, отводившего поэтическому синтаксису важнейшую роль в воплощении художественного замысла.

Иные жанры, в которых пробовал свои силы Кантемир, напротив, обнаруживают вполне отчетливое тяготение к жестким жанрово-стилистическим канонам: ода («песнь») — к «возвышенному», послание — к «среднему», басня и эпиграмма — к «сниженному» стилям, однако и в них мы находим немало примеров стилистического смешения, что доказывает не только близость теоретических рекомендаций Прокоповича поэтической программе Кантемира, но и синкретическое, переходное (в терминах О. М. Буранка — «предклассицистическое» [Буранок 2014: 7–98]), с чертами барокко и классицизма, направление творческих поисков обоих авторов, оставлявших простор для стилистической эклектики и стремлений сочетать несочетаемое, сопрягать противоположности, тогда как классицизм в противоположность этому отстаивал строгость жанрово-стилистических норм.

Анализ использования тропов и фигур речи Кантемиром позволил выявить некоторые «жанровые» тенденции в применении риторических приемов: так, метонимия более характерна не для сатиры, а для послания, нравоучительной или гражданской оды, редка в басне; на этом фоне метафора, свойственная и оде, и посланию, гораздо более распространена в стилистически сниженных сатире, басне и эпиграмме; сравнение зафиксировано в сатире, оде и послании; перифраза, гиперболы и хиазм почти исключительно одические приметы; редкие антитеза, градация, умолчание, ирония и каламбур встречаются в сатире и эпиграмме; риторические восклицания и обращения неактивны в баснях и эпиграммах, предпочитая оду, сатиру, послание; асиндетон чаще полисиндетона используется в оде; распространенными, с несколько отличающейся, однако, степенью активности, во всех

жанрах кантемировской поэзии оказываются инверсия (общепозэтическая норма), эллипсис, лексический повтор, риторические вопросы, многочленный период и амплификация.

Использование риторических приемов поэтами эпохи языковых реформ требует специального комплексного анализа, который, несомненно, способствовал бы прояснению вопроса «о роли риторики в истории литературного языка» [Бухаркин 2017а: 47], далеко еще не осознанной во всей своей сложности. Материалы «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» позволяют представить «квантитативную» и «диахроническую» риторику русской поэзии, демонстрирующую спектр и активность различных тропов и фигур речи в стихотворных произведениях Кантемира.

Источники и словари

- Автухович 1999 — Автухович Т.Е. Прокопович Елисей (Елеазар). В кн.: *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. С. 488–496.
- Адогуров 2014 — *Василий Евдокимович Адогуров: «Anfangs-Grunde der Russischen Sprache», или «Первые основания российского языка»*. Карева Н.В. (отв. секр.). СПб.: Нестор-История, 2014.
- Александренко 1896 — Александренко В.Н. К биографии князя Кантемира. *Варшавские университетские известия*. 1896. Кн. 2. Отд. III. С. 1–24; кн. 3. Отд. IV. С. 25–46.
- Кантемир 1956 — Кантемир А. *Собрание стихотворений*. Л.: Советский писатель, 1956.
- Квятковский 1966 — Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Новиков 1772 — Новиков Н.И. *Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий*. СПб.: [Тип. Имп. акад. наук], 1772.
- Прокопович 1961 — Прокопович Ф. *Сочинения*. Еремин И.П. (ред., предисл.). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. С. 335–455.
- Прокопович 2020 — Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг. Г.А. Стратановский (пер.); Николаев С.И. (отв. ред.); Маркасова Е.В., Николаев С.И. (подгот. текста); Маркасова Е.В. (коммент.); Введенская Е.В. (науч. ред. пер.). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020.
- Риторика Ломоносова — *Риторика М.В. Ломоносова*. Бухаркин П.Е., Волков С.С., Матвеев Е.М. (науч. ред.). СПб.: Нестор-История, 2017.
- Русско-французский словарь — *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*. В 2 т. М.: Азбуковник; Языки славянской культуры, 2004.
- ССРП — *Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века*. В 4 т. Патроева Н.В. (ред.). Т. 1: Кантемир, Третьяковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017.
- Сумароков 1781 — Сумароков А.П. О российском духовном красноречии. В кн.: Сумароков А.П. *Полное собрание всех сочинений*. Ч. 6. М.: Унив. тип. Н.Новикова, 1781.
- Третьяковский 1963 — Третьяковский В.К. *Избранные произведения*. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 365–420.
- Compendium 2002 — *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache*. Keipert H., Hüterer A. (Hrsg.); Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen, Neue Folge. Hf. 121. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C. H. Beck München, 2002.
- HWR — *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Gert Üding (Hrsg.). In: *Verbindung mit Wilfried Barner*. Bd. 1–11. Tübingen; Berlin, 1992–2014.

Литература

- Акимова 1973 — Акимова Г.Н. Размер предложения как фактор стилистики и грамматики (на материале русского литературного языка XVIII в.). *Вопросы языкознания*. 1973, (2): 67–79.

- Акимова 1976 — Акимова Г. Н. Ширина соподчиненного куста как принцип развертывания предложения (на материале языка М. В. Ломоносова). *Československa rusistika*. 1976, (5): 96–108.
- Алексеев 2013 — Алексеев А. А. *Очерки и этюды по истории литературного языка в России*. СПб.: Петерб. лингвист. о-во, 2013.
- Аннушкин 2003 — Аннушкин В. И. *Русская риторика: исторический аспект*. М.: Высшая школа, 2003.
- Бабаева 2013 — Бабаева Е. Э. Язык в зеркале размышлений поэта (к реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира). В сб.: *XVIII век*. Сб. 27. СПб.: Наука, 2013. С. 26–48.
- Бабаева, Запольская 1993 — Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. *Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева*. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993. С. 188–206.
- Балашова 2014 — Балашова Л. В. *Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее*. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Буранок 2014 — Буранок О. М. *Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века*. М.: Флинта; Наука, 2014.
- Бухаркин 2017а — Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка. *Мир русского слова*. 2017, (1): 47–53.
- Бухаркин 2017б — Бухаркин П. Е. Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века. В кн.: *Риторика М. В. Ломоносова*. Бухаркин П. Е., Волков С. С., Матвеев Е. М. (науч. ред.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 545–565.
- Вомперский 1970 — Вомперский В. П. *Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех штилей*. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник. В кн.: Гаспаров М. Л. *Избранные труды*. Т. 3. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 1997–. С. 132–157.
- Градова 1994 — Градова Б. А. А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря. *A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Gargnano, 1994. Roma: La Fenice, 1996. P. 155–159.
- Гуковский 1927 — Гуковский Г. А. *Русская поэзия XVIII века*. Л.: Academia, 1927.
- Довгий 2017 — Довгий О. Л. Грамматика поэзии в сатирах А. Д. Кантемира. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2017, 76, (1): 15–21.
- Живов 1996 — Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII века*. М.: Языки славянской культуры, 1996.
- Живов, Кайперт 1996 — Живов В. М., Кайперт Г. О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского. *Вопросы языкознания*. 1996, (6): 3–30.
- Живов 2004 — Живов В. М. *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кибальник 1983 — Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича. В сб.: *XVIII век*. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Панченко А. М. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1983. С. 193–206.
- Кожевникова 2009 — Кожевникова Н. А. Эволюция тропов. В кн.: *Избранные работы по языку художественной литературы*. Петрова З. Ю. (общ. ред.). М.: Знак, 2009. С. 531–600.
- Маркасова 2002 — Маркасова Е. В. *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века*. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2002.
- Маслюк 1983 — Маслюк В. П. *Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні*. Київ: Наукова думка, 1983.
- Михальчи 1969 — Михальчи Д. Е. *Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе*: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969.
- Николаев 1995 — Николаев С. И. Трудный Кантемир (стилистическая структура и критика текста). В сб.: *XVIII век*. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 3–14.
- Панченко 1973 — Панченко А. М. *Русская стихотворная культура XVII века*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973.

- Патроева 2017 — Патроева Н. В. Синтаксис русской поэтической классики как лексикографическая проблема. *Грамматические исследования поэтического текста: м-лы междунар. науч. конф.* Шестакова Л. Л., Патроева Н. В. (отв. ред.). М., 2017. С. 38–40.
- Патроева 2018 — Патроева Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта. *Славянская историческая лексикология и лексикография*. Вып. 1. СПб.: Ин-т лингвист. исслед., 2018. С. 122–131.
- Патроева 2020 — Патроева Н. В. Риторическая теория и практика М. В. Ломоносова в зеркале словарей. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020, 42 (3): 78–84.
- Пекарская 2017 — Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор). *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. 2017, (21): 83–95.
- Прийма 1956 — Прийма Ф. Я. Антиох Дмитриевич Кантемир. В кн.: Кантемир А. *Собрание стихотворений*. Л.: Советский писатель, 1956. С. 5–52.
- Радовский 1959 — Радовский М. И. *Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
- Соколов 1965 — Соколов А. Н. О «Поэтике» Феофана Прокоповича. В сб.: *Проблемы современной филологии: сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова*. М.: Наука, 1965. С. 443–449.
- Успенский 1975 — Успенский Б. А. *Первая русская грамматика на родном языке (доломоносовский период отечественной русистики)*. М.: Наука, 1975.
- Успенский 1985 — Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. *Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*. М.: Наука, 1985.
- Успенский 1994 — Успенский Б. А. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. М.: Гнозис, 1994.
- Успенский 1997 — Успенский Б. А. Доломоносовские грамматики русского языка: итоги и перспективы. В кн.: Успенский Б. А. *Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 477–479.
- Ушакова 2010 — Ушакова К. М. *Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)*. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2010.
- Щеглов 2004 — Щеглов Ю. К. *Антиох Кантемир и стихотворная сатира*. СПб.: Гиперион, 2004.
- Johann 1994 — *Johann Ernst Gluck. Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Zivov. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge. Bd. 5 (20). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994.
- Hüterer 2001 — Hüterer A. *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rufischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. Slavistische Beiträge*. Bd. 408. München: Peter Lang International Academic Publishers, 2001.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2021 г.
Статья рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Natal'ia V. Patroeva

Petrozavodsk State University,
33, pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russia
nvpatr@list.ru

To the question of the poetics of the Antiochus Cantemir's poems

For citation: Patroeva N. V. To the question of the poetics of the Antiochus Cantemir's poems. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (4): 669–691.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.402> (In Russian)

The article offers generalizing data concerning the system of rhetorical techniques used by A. D. Kantemir in small and medium-sized poetic genres. The poetic practice of Kantemir is

compared with the recommendations from the treatises of Feofan Prokopovich *De arte poetica* and *De arte rhetorica libri X*, concerning the use of various rhetorical devices in certain literary genres and styles. The hypothesis of the work is the assumption of the synthetic nature of the poetic syllable of Antiochus Kantemir, which is close not so much to the classicistic requirements of clarity and accuracy of the syllable as to the traditions of the Old Russian book style of *weaving words*. For the first time undertaken comprehensive analysis of tropes and figures used by Kantemir in his poetry, testifies to their qualitative and quantitative diversity and to the familiarity of the creator of Russian satire. The system of Kantemir tropes and figures analyzed in grammatical, stylistic and linguo-poetic aspects are introduced into scientific use for the first time. Inversion, ellipsis, amplification, lexical repetition, question and exclamation are the most common types of rhetorical devices in Kantemir's poetry. Comparison, metonymy, personification and paraphrase are much more rare and genre conditioned in the works of Kantemir. The marginal varieties of tropes and figures of Kantemir include hyperbole, gradation, chiasm, silence, pun. Kantemir acts as an innovator who determined the further paths of the formation of Russian lyric poetry.

Keywords: rhetorical device, rhetorical tradition in Russia, paths and figures of speech, poetics, genre style.

References

- АКИМОВА 1973 — Akimova G. N. The size of the sentence as a factor of stylistics and grammar (based on the material of the Russian literary language of the 18th century). *Voprosy iazykoznaniiia*. 1973, (2): 67–79. (In Russian)
- АКИМОВА 1976 — Akimova G. N. The width of the subordinate bush as a principle of unfolding a sentence (based on the language of M. V. Lomonosov). *Československa rusistika*. 1976, (5): 96–108. (In Russian)
- Алексеев 2013 — Alekseev A. A. *Essays and etudes on the history of the literary language in Russia*. St Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo Publ., 2013. (In Russian)
- Аннушкин 2003 — Annushkin V. I. *Russian rhetoric: the historical aspect*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 2003. (In Russian)
- Бабаева 2013 — Babaeva E. E. Language in the mirror of the poet's reflections (Towards the reconstruction of the linguistic views of Antiochus Cantemir). In: *XVIII vek*. Vol. 27. St Petersburg: Nauka Publ., 2013. P. 26–48. (In Russian)
- Бабаева, Запольская 1993 — Babaeva E. E., Zapol'skaia N. N. Language continuum of the Petrine era: A review of grammatical treatises of the first quarter of the 18th century. In: *Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu iazykoznaniiu. Pamiati professora G. A. Khaburgaeva*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1993. P. 188–206. (In Russian)
- Балашова 2014 — Balashova L. V. *Russian metaphor: past, present, future*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014. (In Russian)
- Буранок 2014 — Buranok O. M. *Feofan Prokopovich and the historical and literary process of the first half of the 18th century*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2014. (In Russian)
- Бухаркин 2017a — Bukharkin P. E. Rhetoric and history of the literary language. In: *Mir russkogo slova*. 2017, (1): 47–53. (In Russian)
- Бухаркин 2017b — Bukharkin P. E. Rhetorical treatises as material for the history of the Russian literary language of the middle of 18th century. In: *Ritorika M. V. Lomonosova*. Bukharkin P. E., Volkov S. S., Matveev E. M. (sci. eds). St Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2017. P. 545–565. (In Russian)
- Вомперский 1970 — Vomperskii V. P. *Stylistic doctrine of M. V. Lomonosov and the theory of three styles*. Moscow: Moscow University Publ., 1970. (In Russian)
- Гаспаров 1997 — Gasparov M. L. Russian syllabic thirteen syllabus. In: *Izbrannye trudy*. Vol. 3. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. P. 132–157. (In Russian)
- Градова 1994 — Gradova B. A. A. D. Kantemir — compiler of the first Russian-French dictionary. In: *A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Stydy Group on Eighteenth-Century Russia*. Gargnano, 1994. La Fenice Edizioni Publ., 1996. P. 155–159. (In Russian)

- Гуковский 1927 — Gukovskii G. A. *Russian poetry of the 18th century*. Leningrad: Academia Publ., 1927. (In Russian)
- Довгий 2017 — Dovgii O. L. Poetry grammar in the satire of A. D. Kantemir. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*. 2017, 76 (1): 15–21. (In Russian)
- Живов 1996 — Zhivov V. M. *Language and culture in Russia in the 18th century*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1996. (In Russian)
- Живов, Кайперт 1996 — Zhivov V. M., Kaipert G. On the place of IV Paus grammar in the development of the Russian grammatical tradition: Interpretation of the relationship between Russian and Church Slavonic. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1996, (6): 3–30. (In Russian)
- Живов 2004 — Zhivov V. M. *Essays on the historical morphology of the Russian language of the 17th–18th centuries*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. (In Russian)
- Кибальник 1983 — Kibal'nik S. A. About “Rhetoric” by Feofan Prokopovich. In: *XVIII vek*: Vol. 14. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR Publ., 1983. P. 193–206. (In Russian)
- Кожевникова 2009 — Kozhevnikova N. A. Evolution of tropes. In: *Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury*. Petrova Z. Iu. (ed.). Moscow: Znack Publ., 2009. P. 531–600. (In Russian)
- Маркасова 2002 — Markasova E. V. *Conceptions about the figures of speech in Russian rhetoric of the 17th — early 18th centuries*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2002. (In Russian)
- Маслюк 1983 — Masliuk V. P. *Latin poets and rhetoricians of the 17th — the first half of the 18th centuries. and their role in the development of literary theory in Ukraine*. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1983. (In Ukrainian)
- Михальчи 1969 — Mikhāl'chi D. E. *Slavic-Russian grammar by Johan Werner Pause*. Thesis for D. Sci. in Philological Sciences. Leningrad, 1969. (In Russian)
- Николаев 1995 — Nikolaev S. I. Difficult Cantemir (stylistic structure and text criticism). In: *XVIII vek*. Vol. 19. St Petersburg: Nauka Publ., 1995. P. 3–14. (In Russian)
- Панченко 1973 — Panchenko A. M. *Russian poetic culture of the 17th century*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1973. (In Russian)
- Патроева 2017 — Patroeva N. V. Syntax of Russian poetic classics as a lexicographic problem. In: *Grammaticheskie issledovaniia poeticheskogo teksta: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Shestakova L. L., Patroeva N. V. (eds). Moscow, 2017. P. 38–40. (In Russian)
- Патроева 2018 — Patroeva N. V. Syntactic Poetic Dictionary: Theoretical and Methodological Foundations of the Lexicographic Project. *Slavianskaia istoricheskaia leksikologiia i leksikografiia*. Vol. 1. St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniia Publ., 2018. P. 122–131. (In Russian)
- Патроева 2020 — Patroeva N. V. Rhetorical theory and practice of M. V. Lomonosov in the mirror of dictionaries. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020, 42 (3): 78–84. (In Russian)
- Пекарская 2017 — Pekarskaia I. V. On the existing typologies of stylistic figures (analytical review). *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2017, (21): 83–95. (In Russian)
- Прийма 1956 — Priima F. Ia. Antioch Dmitrievich Kantemir. In: Kantemir A. *Sobranie stikhotvorenii*. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1956. P. 5–52. (In Russian)
- Радовский 1959 — Radovskii M. I. *Antioch Cantemir and the St Petersburg Academy of Sciences*. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR Publ., 1959. (In Russian)
- Соколов 1965 — Sokolov A. N. About “Poetics” by Feofan Prokopovich. In: *Problemy sovremennoi filologii: sbornik statei k 70-letiiu akademika V. V. Vinogradova*. Moscow: Nauka Publ., 1965. P. 443–449. (In Russian)
- Успенский 1975 — Uspenskii B. A. *The first Russian grammar in the native language: (Dolomonosov period of Russian studies)*. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian)
- Успенский 1985 — Uspenskii B. A. *From the history of the Russian literary language of the 18th — early 19th centuries. Karamzin's language program and its historical roots*. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian)
- Успенский 1994 — Uspenskii B. A. *A brief outline of the history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)*. Moscow: Gnozis Publ., 1994. (In Russian)

- Успенский 1997 — Uspenskii B. A. Dolomonosov grammars of the Russian language: Results and prospects). In: Uspenskii B. A. *Izbrannye trudy. Vol. III: Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1997. P. 477–479. (In Russian)
- Ушакова 2010 — Ushakova K. M. *Terminology of Russian rhetoric as a doctrine of speech (second half of the 18th — first half of the 19th century)*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet pechati Publ., 2010. (In Russian)
- Щеглов 2004 — Shcheglov Iu. K. *Antioch Kantemir and poetic satire*. St Petersburg: Giperion Publ., 2004. (In Russian)
- Johann 1994 — *Johann Ernst Gluck. Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Zivov. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge. Bd. 5 (20). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994.
- Hüterer 2001 — Hüterer A. *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rufischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. Slavistische Beiträge*. Bd. 408. München: Peter Lang International Academic Publishers, 2001.

Received: March 17, 2021
Accepted: September 12, 2022